

оригинальная статья

Концепт *мысль* сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы)

Румянцева Марина Васильевна
Тюменский государственный медицинский университет, Россия, Тюмень
<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>
m.rumjanzewa@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.04.2022. Принята после рецензирования 18.05.2022. Принята в печать 23.05.2022.

Аннотация: В современной лингвистике философская проблема взаимосвязи действительности, мышления и языка получает новое направление развития, согласно которому окружающий мир должен рассматриваться как единое целое, и постигать его нужно через язык, мифологическое, религиозное и художественное мировосприятие. Актуальность исследования определена возрастанием интереса к изучению ключевых концептов ментального мира человека как представителя определенной лингвокультуры. Цель – проанализировать и описать набор культурных кодов, которыми в образных (метафорических) сравнениях казахской художественной литературы представлен ментальный концепт *мысль*. Лингвокультурологическому анализу подверглись метафоры и метафорические сравнения, найденные методом сплошной выборки в произведениях казахской художественной литературы XX в. Сравнительные конструкции проанализированы на предмет выявления регулярных моделей метафоризации. Исследование показало, что ментальный концепт *мысль*, преломляясь сквозь призму метафорического сравнения, репрезентируется посредством таких культурных кодов, как природный, биоморфный и предметный. Природный культурный код представлен концептуальными метафорами *мысль – ветер*, *мысль – солнечный свет*, *мысль – огонь* и *мысль – вода*. Чаще других в биоморфном культурном коде встречаются зооморфные метафоры *мысль – конь / лошадь*, *мысль – птица* и *мысль – насекомое*. Метафора *мысль – металл* вербализирует предметный культурный код. Сделан вывод, что в языковом сознании казахов бытуют представления о мысли как о божественном даре и о живой сущности, обладающей достаточным количеством энергии, чтобы принимать разные материальные формы и передвигаться по всем трем мирам.

Ключевые слова: лингвокультурология, культура, язык, концепт, культурный код, метафорическое сравнение

Цитирование: Румянцева М. В. Концепт *мысль* сквозь призму культурных кодов (на материале казахской художественной литературы). *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 6. С. 696–705. <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-696-705>

full article

The Concept of *Thought* from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction

Marina V. Rumyantseva
Tyumen State Medical University, Russia, Tyumen
<https://orcid.org/0000-0002-7949-8360>
m.rumjanzewa@rambler.ru

Received 11 Apr 2022. Accepted after peer review 18 May 2022. Accepted for publication 23 May 2022.

Abstract: The modern linguistics interprets the old philosophical problem of the relationship between reality, thinking, and language in a completely new way: the world should be considered as a whole and comprehended through linguistic, mythological, religious, and artistic worldviews at once. The abstract concepts of the mental world represent a certain linguistic culture. This article describes a set of cultural codes that represent the mental concept of *thought* as similes in the contemporary Kazakh fiction. This linguaculturological analysis covered metaphors and similes found by continuous sampling in the Kazakh fiction of the XX century. The similes were tested for regular metaphorization models. The mental concept of *thought* in similes was presented through natural, biomorphic, and artefact cultural codes. The natural cultural code was represented by such conceptual metaphors as *thought is wind / sunlight / fire / water*. The zoomorphic metaphors of *thought is horse / bird / insect* were numerous in the biomorphic cultural code. The metaphor of *thought is metal* verbalized the artefact cultural code. In the linguistic consciousness of the Kazakhs, the concept of thought was verbalized as a divine gift or a living entity that has enough energy to take different material forms and move around all three worlds.

Keywords: linguaculturology, culture, language, concept, cultural code, metaphorical comparison

Citation: Rumyantseva M. V. The Concept of *Thought* from the Perspective of Cultural Codes in Kazakh Fiction. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(6): 696–705. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-696-705>

Введение

Философская проблема взаимосвязи языка и мышления в современной лингвистике получает новое направление развития, пока не имеющее своего точного наименования. В рамках этого направления, которое некоторые ученые предлагают назвать новой всеобщей антропологией, весь окружающий мир рассматривается как единое целое, и подходить к его постижению нужно через язык, мифологическое, религиозное и художественное мировосприятие. Особый интерес у исследователей продолжают вызывать глубинные знания и представления народа. Путь к их пониманию лежит через семантику лексических единиц. Язык являет собой некую универсальную энциклопедию, способную фиксировать результаты познания в концептуальной картине мира. Она есть знание не только как результат мыслительного отражения действительности, но и как итог невербального чувственного познания. Сложные многоуровневые концептуальные системы, в свою очередь, являются множественными моделями осмысления и описания мира. Единицы ментальности – концепты определенной культуры – это некие обобщенные образы, с помощью которых человек мыслит.

Актуальными для лингвокультурологической науки сегодня являются исследования ключевых концептов ментального (интеллектуального) мира человека как представителя определенного этноса, т. к. мышление человека имеет национально-культурную специфику, обусловленную не столько языком, сколько окружающей действительностью. Актуальность исследования заключается в необходимости изучения интеллектуального мира казахов через национально-специфичные ментальные концепты. Научных изысканий в этом направлении мало, они разрознены и продолжают оставаться «белым пятном» в казахстанской лингвокультурологии.

Целью нашей статьи стали анализ и описание набора культурных кодов, которыми в образных (метафорических) сравнениях казахской художественной литературы репрезентирован ментальный концепт *мысль*. Научная новизна исследования состоит в новом подходе к трактовке метафорических лексем-экспонентов названного концепта с точки зрения их мифопоэтической семантики. На целесообразность такого подхода указывает Д. Б. Гудков, формулируя

тезис о необходимости описания специфических значений единиц культурных кодов [1, с. 46]. Исследование впервые так широко проводится на материале текстов казахской художественной литературы. Теоретическая значимость статьи определяется тем, что выявлены специфические национально-культурные особенности метафорического выражения концепта *мысль* в казахской лингвокультуре, которые могут способствовать углублению знаний о национальной специфике языковой картины мира казахов. Практическая значимость обусловлена возможностью использования материала статьи в спецкурсах по лингвоаксиологии и лингвокультурологии, а также при разработке семинаров, посвященных национальной специфике языковых картин мира.

Методы и материалы

Лингвокультурологическому анализу подверглись метафоры и метафорические сравнения с референтом *мысль* общим количеством 127 единиц, 50 из которых вошли в статью в качестве иллюстрационного материала. Все метафорические единицы отобраны методом сплошной выборки из 58 произведений казахской художественной литературы XX в. (5 романов, 16 повестей, 37 рассказов), наиболее значимыми из которых являются романы «Путь Абая»¹ и «Племя младое»² М. О. Ауэзова, «Промелькнувший метеор»³ С. М. Муканова, «Шелковый путь»⁴ Д. Д. Досжанова и «Конец легенды»⁵ А. К. Кекильбаева. Проведен анализ метафорических конструкций на предмет выявления регулярных моделей метафоризации, а также частотности выбора лексем-агентов сравнения, вербализующих концепт *мысль*. Анализ выбора агентов для создания образов сравнения позволяет обнаружить разные стороны культурного развития этноса, т. к. через систему метафор, которая может быть обозначена как культурный код, передаются базовые для культуры этноса смыслы.

Литературный обзор

Анализ научной литературы показал, что существует два подхода к определению лингвистами термина *концепт*: когнитивный и лингвокультурологический. При когнитивном подходе концепт понимается как «основная

¹ Ауэзов М. О. Путь Абая. Алма-Ата: Жазушы, 1982. Т. 1. 606 с.; Т. 2. 591 с. Далее по тексту примеры из произведений даны в круглых скобках с указанием автора и названия произведения, например, (Ауэзов М. Путь Абая).

² Ауэзов М. О. Племя младое. Избранные произведения. Алма-Ата: Жазушы, 1979. 520 с.

³ Муканов С. М. Промелькнувший метеор. В 2 т. Алма-Ата: Жазушы, 1984. Т. 1. 334, [2] с.; Т. 2. 333, [2] с.

⁴ Досжанов Д. Д. Шелковый путь. М.: Известия, 1983. 608 с.

⁵ Кекильбаев А. К. Баллады забытых лет. М.: Известия, 1979. 448 с.

единица ментальности» [2, с. 56], как «квант структурированного знания» [3, р. 7], как мировоззренческое понятие, компонент сознания и наших знаний о мире, мыслительная модель идеальных объектов, которые создаются и модифицируются коллективным сознанием [4, с. 31] и пр. Концепт есть также единство ментального акта и его результат. В лингвокультурологическом аспекте концепт представляет собой «семантическое образование, ключевое для понимания национального менталитета» [5, с. 53], «своеобразный фокус знаний о мире» [5, с. 58], «ключевое слово культуры» [5, с. 89], «сгусток культуры в сознании человека» [6, с. 43], «единицу коллективного знания / сознания (отправляющую к высшим духовным ценностям), ... отмеченную этнокультурной спецификой» [7, с. 70], «категорию языкового видения мира и национально-культурной ментальности» [8, с. 184]. Оба указанных подхода к изучению концептов дополняют друг друга, поскольку «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. в конечном счете на культуру» [9, с. 139].

То, что набор языковых способов и средств – вербализаторов концептов – очень разнообразен, известно давно. В задачи нашего исследования не входит описание всей структуры концепта *мысль* в его языковом выражении. Наиболее полное и обобщающее исследование уже было проведено Е. П. Бондаревой [10]. Детальные научные изыскания в этом направлении представлены в труде Л. П. Гашевой и А. В. Свиридовой, которые на материале русской лингвокультуры описывали репрезентацию концепта *мысль* такими семантическими единицами, как процессуальные фразеологизмы [11].

Лингвистами исследуются также сопряженные концепты. Например, О. Н. Волобуева рассматривает в сопоставительном аспекте фразеологизмы, вербализирующие концепт *думать*, с точки зрения их образного потенциала [12]. М. А. Ахматова и М. Б. Кетенчиев уделяют внимание репрезентации концепта *ум* и выявляют его диахронические и синхронические составляющие с опорой на тексты различной жанровой принадлежности [13]. Нас же интересует, какими концептуальными метафорами, под которыми Дж. Лакофф и М. Джонсон понимали способ думать об одной области через призму другой [14, с. 9–11], концепт *мысль* представлен в языке казахской художественной литературы. Ранее такое исследование было выполнено нами на материале русской художественной литературы [15].

Через метафору человек способен познавать абстрактные или неструктурированные сущности в терминах более конкретных [14, с. 10]. Способность человеческого сознания соотносить явления из разных сфер окружающего мира лежит в основе системы культурных кодов как некой «системы знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [16, с. 9], «системы координат, которая содержит и задает

эталон культуры» [17, с. 19], или «системы нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [18, с. 3]. Ученые подчеркивают, что понятие культурного кода в научной литературе до конца не определено и требует теоретической и научно-методологической доработки.

Результаты

Анализ метафорических сравнительных конструкций в текстах казахской художественной литературы показал, что концепт *мысль* репрезентируется в них посредством трех культурных кодов: природного (50 %), биоморфного (43 %) и предметного (7 %). Природный код и зооморфная группа биоморфного кода представлены одинаковым количеством концептуальных метафор (по 4 метафоры) и насчитывают примерно одинаковое число лексем-репрезентантов (14 и 15 соответственно). Количественные показатели предметного кода существенно ниже (всего 1 метафора, репрезентированная тремя лексемами), но частотность употребления метафоры данного культурного кода в текстах художественной литературы позволила нам обозначить ее как регулярную модель метафоризации.

1. Природный культурный код

1.1. Мысль – ветер

В метафоре присутствует двойственная трактовка мыслительного процесса: во-первых, мысль понимается как космическая стихия, элемент воздуха, во-вторых, как духовная сущность, порождение человеческой души. В казахском языке корень *тын* означает *ветер*, *дуновение* и одновременно *дыхание*, *душа*, *жизнь* (ср. также русские корни слов *дуновение*, *дыхание*, *вдохновение*, *дух*, *душа*). Согласно тенгрианству, древней религии тюрков, Земля дарует человеку при рождении только материальное тело, а чтобы он творил, бог Тенгри вместе с дыханием (*тын*) посылает человеку свою божественную благодать (*құт*) и способность мыслить, тем самым наделив его отличием от других живых существ. Поэтому, с одной стороны, в метафоре закодирована присутствующая многим религиозным традициям идея о том, что вместе с жизнью некая божественная сила вдыхает в человека способность мыслить. Казахи также верили, что, если ветру, который является дыханием всевышнего, нашептать свои мысли и желания, он отнесет их богу. Значит, мысли витают в воздухе, разносятся ветром и, обладая энергией ветра, способны вдохновлять мыслящего человека: *Мысли, дотоле неведомые ему, вихрем охватили поэта* (Ауэзов М. Путь Абая). С другой стороны, весь наш мир, проявленный во множестве его форм, есть порождение чьей-то мысли. Такие представления находим, например, в египетских мифах, согласно которым бог Ра создает формы всего сущего силой собственной мысли [19, с. 33]. Человек своей мыслью тоже способен менять реальность. Мысли, порождаемые сознанием, создают порой настоящие ураганы страстей, жертвой которых становится сам человек: *Мысль металась и рвалась, словно подхваченная*

могучим ураганом (Ауэзов М. Путь Абая). Метеорологи утверждают, что в центре урагана всегда есть точка спокойствия, безветрия. Правда, не каждый умеет погружаться внутрь себя, находить эту точку в глубине своего сознания. Чаще человек предпочитает находиться на периферии, где «порывы ветра» – такой силы, что заставляют страдать. Но если человеку все-таки удастся достичь состояния покоя, просветления, метафорический образ мысли меняется.

1.2. Мысль – свет

Солнце – источник света, огненной энергии, силы жизни для всего сущего на Земле. По представлениям тюрков, Солнце является созданием Вечного Синего Неба Тэнгри, в котором Свет и Огонь – главные атрибуты, определяющие основные сущностные характеристики [20]. Солнечный свет, достигший поверхности земли, является у казахов, прежде всего, символом созидательной энергии, хотя способен и разрушать.

В качестве эталона сравнения для новых, ярких творческих мыслей выступают лучи восходящего солнца: *Просыпаясь от тяжелого сна, встрепенулась его светлая, как первый лучик солнца, мысль* (Муканов С. Промелькнувший метеор). В этот миг Абая, как *лучи солнца*, озарили новые мысли, неожиданные для него самого (Ауэзов М. Путь Абая). С солнечным светом сравниваются только положительные, созидательные мысли: *И новая мысль озарила Абая, его лицо стало светлеть* (Ауэзов М. Путь Абая).

1.3. Мысль – огонь

Тюрки верили, что человек создан из огненного тела Тэнгри. У казахов существовал культ огня. Очагу в центре юрты придавали округлую форму, напоминающую диск солнца. Благодаря огню, человек стал защищаться от хищников, научился готовить пищу, в его дом пришло тепло. Погасший огонь в очаге юрты означал конец жизни семьи. Огонь родного очага грел сердце степняка. Поэтому «теплые» мысли сравнимы с неугасаемым семейным очагом: *Мысль созревала сердце Абая, словно очаг юрты* (Ауэзов М. Путь Абая). Перед началом весенней кочевки в аулах проводился обряд очищения огнем, в процессе которого люди проходили между двумя кострами, проносили свое имущество и проводили скот. Верили, что энергия огня способна очищать от злых духов ментальное тело человека, воспламенять ум, зажигать мысль: *... в умных смелых глазах ярким пламенем горела беспокойная мысль, всегда зажигающая и Абая* (Ауэзов М. Путь Абая).

Но огонь может стать и неуправляемой стихией, сжечь в пожаре все, что попадает на его пути. Так, вырвавшиеся на волю недобрые мысли способны причинить много бед людям, опалить их души: *И мысли их, словно огонь, вспыхнувший на степном ветру, клонились в одном направлении* (Муканов С. Промелькнувший метеор). *Мысли огнем жгли*

ее душу (Ауэзов М. Путь Абая). Но без огня нет жизни. Древние тюрки верили во всеильное божество огня, которое само зарождается, дышит и постоянно изменяется, а после смерти улетает на небо в виде дыма, чтобы потом снова вернуться на землю.

1.4. Мысль – вода

Метафора отсылает нас к присущему многим культурам (в том числе и тюркской) представлению о воде как изначальной стихии, в которой под воздействием солнечного света зародилась жизнь. Память о мифологическом первоокеане тюркской мифологии (*Дайык*) сохранилась в казахском названии реки Урал – Жайык. Вода также есть форма существования Коркута – земной ипостаси пребывающего в верхнем небесном мире всемогущего бога Тэнгри, который есть сама суть мироздания. В тэнгрианстве бытовало представление, что вода исходит от Коркута, омывает весь мир и, возвращаясь назад, несет все знания, что встретились ей на пути [21, с. 22].

Мифологические представления казахов о воде как о стихии, способной нести информацию, претворяют в жизнь сравнения мысли с рекой, родником или ручейками, течение которых может быть разным по своей интенсивности. Так, умиротворенность и однотонность бытия затормаживают мысли: *Как обмелевшая река, вяло и неповоротливо текли его мысли* (Досжанов Д. Шелковый путь). Мысли о хлебе насущном имеют постоянный ритм бьющего из-под земли родника: *Мысли текли непрерывной вереницей, как эта родниковая вода, сочившаяся из глубины земли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Суетные мысли растерянного человека сравнимы с растекающимися в разные стороны ручьями: *А мысли Повелителя, едва зародившись в глубине души, неизменно путались, мешались, растекались беспорядочными ручьями во все стороны* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Мысли, способные порождать достойные восхищения философские или поэтические творения, сравнивают с морскими волнами, выносящими на берег жемчужины: *И мечут мысли жемчуг, будто волны* (Ауэзов М. Путь Абая).

В зависимости от содержания мысли могут пробуждать в человеке различные эмоции. Мысли, вызывающие положительные эмоции, сравнимы с мирными волнами в душе человека: *Эта мысль сверкнула мгновенно ликом радости. Сменив ее, о берег его души ударяется новая волна мыслей* (Ауэзов М. Путь Абая). Негативные мысли, заставляющие душу человека страдать и мучиться, сравниваются с морской пучиной, неподвластной воле человека, погружающей его в полную безысходность угрозой гибели: *Невеселые думы настигли его, точно ввергли в пучину сомнений* (Муканов С. Промелькнувший метеор); *Точно в пучину погружались в свои мучительные думы* (Бокеев О. Человек-Олень⁶).

⁶ Бокеев О. Человек-Олень: повести, рассказы. М.: Известия, 1990. 511 с.

Если мысли связаны с негативными, скрывающимися от других эмоциями, то казахские авторы сравнивают их с туманом, застилающим душу человека. Такие мысли особенно тяжелы: *Он погрузился в свои тягостные, неотвязные мысли. Сейчас они были особенно тяжелы, словно глухой туман, навалившийся на горы* (Бокеев О. Человек-Олень). Для мыслящего человека печаль преобладает над радостью, и главное мучение – это мысль, которая не дает спать ночами. Мрачные мысли, изнуряющие человека по ночам, сравнимы с серыми осенними тучами или с тоскливым осенним дождем: *Тяжелые мысли теснились в его голове, подобно нескончаемым серым тучам, которые, нагоняя друг друга, плотно закрывали холодное осеннее небо* (Ауэзов М. Племя младое); *Тягостные мысли, точно нудный осенний дождь, все усугубляли тоску* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Такие мысли способны доводить человека до хандры или болезни.

В казахской языковой картине мира мысль представляется в виде воды в различном ее состоянии (жидком или парообразном). Мысль находится в постоянном движении и останавливается только тогда, когда человек покидает этот мир: *Широкое течение его мысли прервалось* (Ауэзов М. Путь Абая).

2. Биоморфный культурный код

Отражает представления людей о животных и растениях, а также их портативных элементах как об эталонах определенной культуры. Код принято разделять на две группы:

- зооморфная (объекты животного мира);
- фитоморфная (объекты растительного мира).

По результатам нашего исследования ярко выраженной оказалась зооморфная группа, представленная такими субкодами, как териологический (*мысль – животное*), герпетологический (*мысль – пресмыкающееся*), орнитологический (*мысль – птица*) и инсектологический (*мысль – насекомое*).

2.1. Мысль – животное

2.1.1. Мысль – конь / лошадь (жеребенок, кляча)

Поскольку жизнь кочевников была тесно связана с лошадьми, конь – это самая важная составляющая культуры и менталитета казахского народа: он давал пищу, одежду, силу и богатство, спасал жизнь, был олицетворением доблести и мужества, атрибутом власти. В мифологии тюрков, как и во многих других мифологиях, конь является символом верхнего мира, мира богов. Согласно мифологии шаманов, конь есть психопомпное животное, на нем душа шамана отправляется в путешествие в небесный мир [22]. В казахских, татарских, башкирских легендах часто встречаются крылатые кони, например, тулпар – верный друг и помощник воина-батыра, или пірақ – конь, приносящий вдохновение поэту [23; 24]. Как существа божественного мира крылатые кони – символ интеллекта, мудрости, рассудка. Верой и правдой они служат человеку, всячески помогают и выручают его, подсказывают и советуют

в трудных ситуациях. Таковы кони Тарлан Ер-Таргына, Тайбурыл Кобланды батыра, Байчубар Алпамыса [25]. Поэтому вполне понятно присутствие в казахской лингвокультуре метафоры *мысль – конь*. На протяжении многих веков, живя бок о бок с лошадьми, от которых зависела жизнь и судьба номада, степняки досконально научились понимать характер и повадки лошади. Эти знания человек переносил в сферу своего ментального мира: *Его мысли, прежде часто вступавшие в конфликт с миром, теперь лежали, уgomонившись, вроде набегавшегося за день жеребенка* (Бокеев О. Человек-Олень). У казахских авторов находим сравнение робкой мысли-сомнения со старой неподкованной лошастью, неуверенно бредущей по каменистой почве: *И она, бедняга-мысль, словно кляча с истершимися копытами, робко побрела по каменистой тропе, выщербленной бесконечными вопросами, и окунулась в густой клубящийся туман сомнений* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Мысли, которые никак не могут оторваться от предмета своего осмысления, сравнимы с конем, кружащим около коновязи: *Но почему-то теперь его мысли кружились вокруг этого сна, как конь, привязанный к колышку на аркане* (Ауэзов М. Путь Абая); *Мысли ее кружились вокруг этого, как кружится спутанная лошадь вокруг прикола* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Зачастую казахским авторам нет необходимости применять при сравнении лексему, номинирующую животное. Достаточно употребить портативные элементы, связанные с конем, чтобы стал понятен агент сравнения. В наших примерах были найдены такие элементы, представленные в словосочетаниях *схватить за повод, поймать поводья, бежать рысцой*: *Мысль резвой рысцой выбралась на привычную колею, однако неожиданный вопрос встал ей поперек дороги и схватил за повод* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Ханша, казалось, вновь поймала поводья разбежавшихся мыслей и приняла твердое решение* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Итак, сравнение мысли с конем, символизирующим духовный, божественный огонь, к которому нелегко подступить темным силам, снова объясняет божественную сущность человеческого разума.

2.1.2. Мысль – собака

В основу метафоры положены представления казахов о верном друге и помощнике степняка-охотника, обладающем способностью развивать завидную скорость и настигать любую быстро бегающую добычу на открытых степных просторах. Поэтому в качестве агента сравнения мысли употребляется гончая как обладающая такими качествами порода собак: *В молодости мысли его были резвей; они настигали цель мгновенно, точно молодая гончая* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Ценят охотники и такое качество собаки, как послушание. Трудно укротить зверя, но укротить свои мысли, сделать их послушными своей воле еще сложнее: *Она поспешно пресекает преступную мысль, словно гончую собаку, против ее воли*

вырвавшуюся на простор и вот-вот настигнущую вертикальную добычу (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Факт сравнения человеческой мысли с собакой свидетельствует об уважительном отношении человека к животному, которое одно из первых побежало за ним по пути цивилизации.

2.1.3. Мысль – мышшь

2.1.4. Мысль – крыса

Эти метафоры имеют явную пейоративную коннотацию. В их основе лежит отвращение и презрение человека к грызунам за приносимый ими вред. Но признаком для найденных нами сравнений стала склонность грызунов к уединенному существованию, их желание быть подальше от людских глаз, скрываться в своих потайных норах. Обитание под землей делает этих животных хтоническими (существами подземного мира) и ассоциирует их в сознании человека со смертью.

Например, неспособность замерзающего, невольно погружающегося в сон человека сосредоточиться на одном предмете вызывает к жизни сравнение мысли с мышью как символом тихого, бесшумного разрушения: *Каждая мысль, на которой он старался сосредоточиться, убежала, словно мышшь, и Нуржан удивлялся: когда не надо, мысли так и лезут в голову, а теперь, когда ему нужно думать, чтобы не уснуть, не удержишь в голове ни одну* (Бокеев О. Человек-Олень).

В то же время отсутствие грызунов рядом с жилищем человека считается признаком надвигающейся беды, которую крысы, по поверьям, чувствуют загодя (например, покидают тонущий корабль). Именно такое наблюдение за поведением животных является признаком следующего сравнения: *Тревожные мысли, так долго терзавшие душу, словно крысы, покидающие разрушенные жилища города, вдруг разом исчезли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Здесь крыса – символ печали, скрытой боли, подтачивающей жизненную энергию. Все эти переживания покидают человека перед лицом неотвратимой смерти.

2.2. Мысль – пресмыкающееся

2.2.1. Мысль – змея

Представителями низшего мира, хтоническими животными, функционально сопоставимыми с мышами и крысами, являются змеи. Змея до сих пор занимает значимое место в мировоззрении казахов. Исследования мифологической картины мира тюрков свидетельствуют о том, что к змее существует амбивалентное отношение [26]. С одной стороны, змея – дух-покровитель рода, наделенный тайными знаниями, податель материальных благ, хранитель кладов, символ ежегодного возрождения (*Жылан-Кыдыр*). С другой стороны, змея опасна, яд ее смертелен, вид нападающей змеи подобен молнии, укус ощущается как ожог, что ассоциирует змею с огнем, огнедышащим змеем (умеющим в сказках и легендах летать, а значит проникать в верхний мир).

2.2.2. Мысль – яд

Змея опасна для человека своим ядом. «Ядовитые», разрушительные мысли угнетают человека чувством парализующего страха: *Мысли, словно ядовитые змеи, подкрадывающиеся в траве к твоим ногам, угнетают и вселяют изнуряющий ужас* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Отравлять организм могут мысли других людей: *Как жестоки твои мысли, Базеке! Они жгут, как перебродивший яд* (Ауэзов М. Путь Абая). Не менее опасны собственные негативные мысли: *Отдаваясь своим думам, он словно проглатывал горчайший яд* (Ауэзов М. Путь Абая). Известно, что мысль, хорошая или плохая, воздействует на тело человека, укрепляя или разрушая его. Мысли, отравленные ядом ненависти, зависти, злобы, запускают программу уничтожения как адресата, так и адресанта.

2.3. Мысль – птица

Орнитологический субкод представлен такими вербальными признаками, как *летать, кружиться, биться, трепетать, трепыхаться, гнездиться*. В нашем исследовании среди агентов-репрезентантов сравнений встретились обобщающая лексема *птица* и наименования видов пернатых: *воробей и ласточка*.

2.3.1. Мысль – птица

В мифах и легендах многих народов птицам, которые считаются вестниками богов (благодаря способности подниматься высоко к небесам), отводится важная роль в создании мира. Волшебная птица индусов Гаруда и египетский Феникс олицетворяют собой Солнце. Многие божества в разных мифологиях имели птичьи воплощения (египетский Гор – ястреба, греческий Гермес – ворона, славянский Перун – орла). Главная богиня тюрков Умай, имя которой означает *лебедь*, в образе этой птицы могла летать по небу, плавать по воде и ходить по земле. Тюрки считали, что богиня непосредственно участвовала в сотворении мира: достала со дна Великого океана землю, из которой образовались суша, флора и фауна. Она снесла яйцо, из которого вылупился весь мир. Умай – волшебная птица, супруга бога Тенгри, символ конечного земного существования. Таким образом, древние тюрки считали птиц, равно как и богов, воплощением мудрости, быстроты ума и полета мысли.

В представлении казахов полет мысли-птицы напрямую зависит от состояния физического тела человека. Если человек болен, то это затормаживает мыслительный процесс, болезнь замыкает пространство полета: *Мысль моя, как птица, стремится вперед, но тело придавлено тяжелым недугом* (Ауэзов М. Путь Абая); *Мысли бьются и трепещут, как пойманная в силки птица* (Бокеев О. Человек-Олень). Мысли летают вокруг человека, пока он в здравом сознании, в противном случае они падают и разбиваются: *Мысли, кружащиеся возле него, как птицы, вдруг упали и разбились – Аспан потерял сознание* (Бокеев О. Человек-Олень).

2.3.2. Мысль – воробей

Признаком сравнений с лексемой *воробей* в качестве агента выступает эмоция страха. Воробей, становящийся добычей многих хищников, символизирует в казахской лингвокультуре мысли испуганного человека: *Мысли Повелителя, точно замороженный змеей воробышек, никак не могли распрямить крылья и беспомощно трепыхались на одном и том же месте* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Мысли разлетелись, точно напуганная стайка воробьев* (Муканов С. Промелькнувший метеор).

2.3.3. Мысль – ласточка

Согласно поверьям, ласточка открывает весной небо и несет в дом достаток. Она – символ материнской заботы и домашнего довольства [27, с. 323]. Неугомонные щебетуны часто выют свои гнезда прямо в жилище человека, что является приметой счастливой судьбы, дарованной богами. Поэтому мысли о детстве у О. Бокеева сравнимы с этой маленькой птахой: *Словно маленькие ласточки, мысли и воспоминания о детстве расселись на туго натянутых струнах его души* (Бокеев О. Человек-Олень).

2.4. Мысль – насекомое

2.4.1. Мысль – муха (мошка)

2.4.2. Мысль – комар

Насекомые в мифопоэтическом мировоззрении разных народов воспринимаются как гибридный образ, вобравший в себя свойства животных всех трех частей Мирового Дерева. Объясняется это тем, что насекомые обитают под землей, на земле и в воздухе. Некоторые летающие насекомые в древности считались посланцами богов (божья коровка у славян, жук скарабей у египтян). Казахи издавна верили, что одна из душ человека, именно та, которая управляет его восприятием и покидает тело сразу после смерти, имеет облик мухи (*шыбын-жан – душа-муха*). Образ мухи часто соотносится с персонифицированными мифологическими образами нижнего мира. Например, в древнеперсидской мифологии в виде мушки проникает в мир темное начало Ариман, в иранской мифологии в облике мухи прилетает демон смерти Насу, чтобы завладеть душой человека после смерти. Таким образом, насекомое часто воспринимается как нечисть, бороться с которой можно только с помощью божественной силы (например, древнегреческий Зевс был известен под именем Апомиус – «охраняющий от мух») [27, с. 498–500].

Метафоры *мысли – мухи (мошки)* и *мысли – комары* в казахских сравнениях придают мыслям следующие характеристики: *мельтешишь, роишься, бередишь, сводишь с ума, изъязвлять, жалить, жужжать* и др. Мифологическая роль мухи (мошки) связана с ее малыми размерами, нечистотой, способностью переносить болезни и, главное, с назойливостью: *Ни на один из этих возникающих в его голове вопросов, назойливых, как мошка в предзакатный час, не находил он вразумительного ответа* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет).

Этой назойливостью мысли причиняют человеку как душевные, так и физические страдания: *Его, как рой мух, окружили бередящие душу мысли* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *В мозгу Киялхана, уже давно изъязвленном, словно жалами неисчислимых комаров, бесплодными мыслями, возникло ощущение целительной прохлады* (Бокеев О. Человек-Олень). Мысли в представлении казахов не имеют постоянной локализации в теле человека. Они могут как исходить из человека наружу, так и проникать в голову (мозг) или душу человека извне, кружить возле него, преследовать его: *Мысли разные замучили меня. Лезут, словно мухи на сладкое, роются в голове, жужжат* (Муканов С. Промелькнувший метеор). Человек не всегда способен контролировать этот процесс: *Рад был бы Повелитель отмахнуться от этих назойливых, роящихся, как мошка перед ненастьем, мыслей, только сейчас это было выше его сил* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет); *Но беспорядочный рой мыслей, помимо ее воли, словно назойливые мухи, мельтешил перед ее глазами* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Значит, мысли обладают некой энергией, позволяющей им существовать автономно от физического тела человека. Этой энергии хватает для того, чтобы быть активными и днем, и ночью, лишая человека покоя: *Ты, беспокойная мысль, как назойливый комар, не даешь мне отдыха ни днем, ни ночью* (Бокеев О. Человек-Олень). Мало того, мысли способны сводить человека с ума, порождением которого, как принято считать, они сами и являются: *Мысли преследовали ее, сводили с ума, окутывали ее плотной завесой докучливой, прожорливой мошки* (Кекильбаев А. Баллады забытых лет). Как видно из примеров, мух, мошек и комаров объединяет характеристика множественности и их маленький размер, поэтому указанные лексемы употребляются чаще во множественном числе для репрезентации большого количества суетных, мелочных, беспорядочных, докучающих человеку мыслей.

3. Предметный культурный код

3.1. Мысль – металл

Самый немногочисленный при метафоризации концепта *мысль* культурный код представлен лексемами *металл* и *сплав* (*чугун*), в которых свернуты древнейшие мифологические представления казахов о кузнецах и кузнечном деле. Култ кузнеца как демиурга, обладающего сакральными знаниями, – тенденция общечеловеческая. Еще в Древнем Египте кузнец сочетал металлургические операции с практикой жреца, т. к. умел подчинять себе небесный огонь. Древние тюрки считали, что кузнец живет в двух мирах: среднем – мире людей и подземном – мире коварного бога Эрлика, где добывается руда. Однако народное сознание связывало умение находить под землей металл и преобразование его с определенной прозорливостью или откровением, дарованной кузнецу богами. Поэтому у тюрков кузнец был могущественной фигурой сродни шаману, обладающему способностью к оборотничеству и умением пребывать сразу в трех мирах. Мифы разных народов приписывают

кузнецу умение чинить не только оружие, но и тела воинов после битвы (например, Курдалагон в осетинском нартском эпосе). Согласно поверьям, кузнец может выковать голос, слово, песню, т. е. стать сказителем, поэтом⁷. Такие мифопоэтические представления вызывают к жизни метафору *мысль – металл*.

Так же как металл в руках умелого кузнеца может превратиться либо в смертельное оружие, либо в мирное орудие труда, мысль человека способна приобрести либо разрушительную, либо созидательную форму: *Мысли его, как расплавленный металл в печи. Бурлит и клокочет, но еще неизвестно, в какую форму выльется сплав* (Муканов С. Промелькнувший метеор). Металл преобразует мир человека, создает новые условия для существования. Но поскольку металл приходит из иного мира, то само его присутствие в человеческой жизни привносит в нее множество неведомых магических сил и энергий (высоких – божественных или низких – демонических). Мысли также подвергаются колебаниям светлых и темных энергий, открывая человеческому разуму разные горизонты: *Может, удастся избавиться от этой темной и тяжелой, как чугуна, мысли* (Муканов С. Промелькнувший метеор). В этой связи заметим, что к кузнецу как демиургу в тюркской культуре предьявлялось особое требование физической и духовной чистоты, от чего зависел конечный результат его творения. Такие же требования всегда предьявлялись мыслителям и мастерам слова.

Заключение

Казахская художественная литература, равно как и фольклорные произведения, пронизана архетипическими образами, корни которых глубоко уходят в мифопоэтическое мировосприятие тюрков – тенгрианство. Древнетюркская культура кочевников в меру своей уникальности творит собственный миф, который, по А. Ф. Лосеву, есть «необходимая категория сознания и бытия вообще» [28, с. 37]. Мифы, свернутые до уровня слова-мифемы [1, с. 48], сплетаются в коды культуры, которые на уровне генетической памяти воздействуют на художественное творчество писателей, репрезентируясь в символах и образах метафорических сравнений.

Литература / References

1. Гудков Д. Б. Мифологическая основа кодов культуры. *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 44–50. [Gudkov D. B. The mythological basis of culture codes. *Language – Mind – Communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSPress, 2018, iss. 60, 44–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.29003/M139.LMC2018-60/44-50>
2. Колесов В. В. О логике логоса в сфере ментальности. *Мир русского слова*. 2000. № 2. С. 52–59. [Kolesov V. V. About the logic of the logos in the sphere of mentality. *Mir russkogo slova*, 2000, (2): 52–59. (In Russ.)]
3. Антология концептов, под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с. [Anthology of concepts, eds. Karasik V. I., Sternin I. A. Volgograd: Paradigma, 2005, vol. 1, 352. (In Russ.)] EDN: RPMLRR
4. Brumfit C. J. Understanding, language, and educational processes. *Language and understanding*, eds. Brown G. D., Malmkjaer K., Pollitt A., Williams J. Oxford: Oxford University Press, 1994, 23–27.

Исследование показало, что в казахском языковом сознании ментальный концепт *мысль* преломляется сквозь призму трех основных культурных кодов: природного, биоморфного и предметного. Природный культурный код представлен метафорами *мысль – ветер*, *мысль – свет*, *мысль – огонь* и *мысль – вода*. Данные метафоры предполагают наличие самопроизвольного движения мысли в пространстве, соотносят мысль с верхним миром богов, передают представление о божественном происхождении разума.

Метафоры биоморфного кода в казахском сознании определяют мысль как живую сущность. Чаще других здесь встречаются зооморфные метафоры *мысль – конь / лошадь*, *мысль – птица* и *мысль – насекомое*. Снова мысль наделяется способностью летать между мирами, теперь уже на крыльях. В результате употребления наименований насекомых во множественном числе образуются пейоративные метафоры, которые отображают способность мыслей досажать человеку своим большим количеством. Метафоры *мысль – мышь*, *мысль – крыса* и *мысль – змея* тоже имеют пейоративную коннотацию, в основе которой лежит восприятие этих животных как хтонических, следовательно, возникает ассоциация их со смертью.

Немногочисленным, но ярким по своей мифопоэтической окраске является предметный культурный код с метафорой *мысль – металл*. Мысль в представлении казахов, имея способность принимать, как и металл, разную форму, обладает разной энергией (темной, разрушительной или светлой, созидательной).

Таким образом, в лингвокультуре казахов мысли как бы сотканы из божественных энергий, сосредоточения которых могут принимать любую (одушевленную или неодушевленную) форму и являть себя человеку в том виде, который он способен воспринять.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

⁷ Иванов В. В. Кузнец. *Мифы народов мира*. Т. 2. К–Я, гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994. С. 21–22.

5. Пименова М. В., Капенова Ж. Ж. Концептуальные исследования в современной лингвистике: теория и практика (на примере ландшафтных концептов). СПб.: СПбГЭУ, 2016. 151 с. [Pimenova M. V., Kapenova Zh. Zh. *Theory and practice of conceptual studies in modern linguistics: landscape concepts*. St. Petersburg: SPbSUE, 2016, 151. (In Russ.)]
6. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004. 992 с. [Stepanov Yu. S. *Constants: dictionary of Russian culture*, 3rd ed. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2004, 992. (In Russ.)]
7. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*. 2001. № 1. С. 64–72. [Vorkachev S. G. Linguaculturology, linguistic personality, concept: the formation of an anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, (1): 64–72. (In Russ.)] EDN: QBANNV
8. Ли В. С. О языковой концептуализации мира и концептуальном анализе. *Язык образования и образование языка: мат-лы Междунар. науч. конф. (Великий Новгород, 11–13 июня 2000 г.)* Великий Новгород: НовГУ, 2000. С. 184–185. [Li V. S. Linguistic conceptualization of the world and conceptual analysis. *Language of education and language of education: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Veliky Novgorod, 11–13 Jun 2000*. Veliky Novgorod: NovSU, 2000, 184–185. (In Russ.)] EDN: RVIREH
9. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. [Karasik V. I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002, 477. (In Russ.)] EDN: UGQAMP
10. Бондарева Е. П. Актуализация концепта *мысль* в русской языковой картине мира: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 164 с. [Bondareva E. P. *Actualization of the concept of thought in the Russian language picture of the world*. Cand. Philol. Sci. Diss. Voronezh, 2005, 164. (In Russ.)] EDN: NNPBJD
11. Гашева А. П., Свиридова А. В. Концепт «Мысль», вербализованный процессуальными фразеологизмами русского языка. *Метеор-Сити*. 2016. № 1. С. 32–37. [Gasheva A. P., Sviridova A. V. The concept of "thought" verbalized by procedural phraseology in the Russian language. *Meteor-Siti*, 2016, (1): 32–37. (In Russ.)] EDN: VSZIAR
12. Волобуева О. Н. Концепт «думать» и способы его фразеологизации в русском и английском языках. *Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та*. 2016. № 1. 129–132. [Volobueva O. N. The concept "to think" and the ways of its phraseologization in the Russian and English languages. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2016, (1): 129–132. (In Russ.)] EDN: VRWUGN
13. Ахматова М. А., Кетенчиев М. Б. Репрезентация концепта «ум» в карачаево-балкарском языке. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 2. С. 57–64. [Akhmatova M. A., Ketenchiev M. B. Representation of the concept "mind" in the Karachay-Balkar language. *Current Issues of Philology and Pedagogical Linguistics*, 2018, (2): 57–64. (In Russ.)] [https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2\(30\)-57-64](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2018-2(30)-57-64)
14. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с. [Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Moscow: Editorial URSS, 2004, 256. (In Russ.)] EDN: QRAADX
15. Румянцева М. В. Концепт «мысль» в зеркале культурных кодов (на материале текстов художественной литературы). *Филология и человек*. 2021. № 2. С. 7–18. [Rumyantseva M. V. The concept of thought in the mirror of cultural codes (based on the texts of fiction). *Filologiya i chelovek*, 2021, (2): 7–18. (In Russ.)] [https://doi.org/10.14258/filichel\(2021\)2-01](https://doi.org/10.14258/filichel(2021)2-01)
16. Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: Гнозис, 2007. 288 с. [Gudkov D. B., Kovshova M. L. *Body code of Russian culture: materials to the dictionary*. Moscow: Gnozis, 2007, 288. (In Russ.)] EDN: QTEWFN
17. Красных В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору). *Язык, сознание, коммуникация*, отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 19. С. 5–19. [Krasnykh V. V. Codes and standards of culture (invitation to talk). *Language, consciousness, communication*, eds. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKS Press, 2001, iss. 19, 5–19. (In Russ.)] EDN: UBLDHH
18. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2018. 180 с. [Maslova V. A., Pimenova M. V. *Codes of linguoculture*, 3rd ed. Moscow: Flinta, 2018, 180. (In Russ.)] EDN: COXULF
19. Колум П. Великие мифы народов мира. М.: Центрполиграф, 2007. 351 с. [Kolum P. *Great myths of the world*. Moscow: Tsentrpoligraf, 2007, 351. (In Russ.)]
20. Зуев Ю. А., Агелеуов Г. Е. Буд-Тенгри – божество древнетюркского пантеона. *Известия Министерства науки – Академии наук Республики Казахстан. Серия общественных наук*. 1998. № 1. С. 47–57. [Zuev Yu. A., Ageleuov G. E. Bud-Tengri: the deity of the ancient Turkic pantheon. *Izvestiia Ministerstva nauki – Akademii nauk Respubliki Kazakhstan*, 1998, (1), 47–57. (In Russ.)]
21. Наурызбаева З. Ж. Вечное небо казахов. Алматы: OTUKEN, 2021. 720 с. [Naurzbaeva Z. Zh. *Eternal heaven of Kazakhs*. Almaty: OTUKEN, 2021, 720. (In Russ.)]

22. Котожеков А. И. Философия «Тенгри» как основа методологии познания. *Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2015. № 3. С. 16–22. [Kotozhekov A. I. The philosophy of "Tengri" as the basis of methodology of cognition. *Bulletin of Buryat State University. Humanities Research of Inner Asia*, 2015, (3): 16–22. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18101/2306-753X-2015-3-16-22>
23. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 263 с. [Lipets R. S. *Images of the batyr and his horse in the Turko-Mongol epic*. Moscow: Nauka, 1984, 263. (In Russ.)]
24. Шарьяфетдинов Р. Х. Мифопоэтический образ коня как отражение культуры тюркских народов в современной татарской литературе. *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева*. 2018. № 4. С. 111–116. [Sharyafetdinov R. Kh. Mythopoetic image of the horse as reflection of culture of Turkic peoples in modern Tatar literature. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I. Ya. Yakovleva*, 2018, (4): 111–116. (In Russ.)] EDN: YTSOSL
25. Джамбаева Ж. А., Толемысова Ж. А. Мифо-фольклорные образы в художественной литературе (на материале казахстанской прозы 60–80-х гг. XX века). *Филология и лингвистика*. 2018. № 2. С. 13–16. [Dzhambaeva Zh. A., Tolemysova Zh. A. Mytho-folklore images in fiction in the Kazakh prose of the 1960s–1980s. *Filologiya i lingvistika*, 2018, (2): 13–16. (In Russ.)]
26. Кондыбай С. Мифология предказахов. Алматы: СаГа, 2008. Кн. 3. 436 с. [Kondybaj S. *Mythology of ancient Kazakhs*. Almaty: Saga, 2008, book 3, 436. (In Russ.)]
27. Орел В. Е. Культура, символы и животный мир. Харьков: Гуманитарный Центр, 2013. 592 с. [Orel V. E. *Culture, symbols, and fauna*. Kharkov: Gumanitarnyi Tsentr, 2013, 592. (In Russ.)]
28. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с. [Losev A. F. *Dialectics of myth*. Moscow: Mysl, 2001, 558. (In Russ.)]